

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

МОТЫЛЕК
АТАКУЮЩИЙ

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Мотылек атакующий

«ЭКСМО»

2012

Островская Е. Н.

Мотылек атакующий / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2012 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-699-57935-8

В жизни Маши Стихаревой, которую любящий муж ласково называл Мотыльком, все было как в радужном сне: заботливый супруг, обожаемый сынишка и работа иллюстратора детских книг, приносящая удовлетворение и радость. Но уже не сон, а реальный мир становится кошмаром. Жить не хочется, ничего не осталось, что радовало и наполняло жизнь смыслом и счастьем. Есть только одно нестерпимое желание, удерживающее Машу на этом свете, – расквитаться с подонками, лишившими ее всего, считающими себя выше законов человеческих и Божьих. Охваченный пламенем праведного гнева, Мотылек не боится сгореть и устремляется в самое пекло, чтобы измениться и внешне, и внутренне, стать грозным орудием мести...

ISBN 978-5-699-57935-8

© Островская Е. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Татьяна Устинова	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Островская

Мотылек атакующий

Татьяна Устинова

Посреди живой пустыни

Как я люблю приключения!..

Самые невероятные – чем невероятнее, тем лучше. Должно быть потому, что живу я самой обыкновенной жизнью, в которой нет никаких «сверхсобытий». Именно поэтому и в литературе, и в кино я так ценю то, чего мне недостает в моей повседневности – когда вдруг окружающий мир встает на дыбы, перестает существовать, осыпается осколками и нужно все начинать заново, хотя больно, страшно и непонятно как.

В новом романе Екатерины Островской чего-чего, а приключений, выпавших на долю главной героини Маши Стихаревой, хоть отбавляй. На самом деле лучше – если рассуждать с точки зрения нормальной жизни! – если бы их было поменьше. Судите сами: бедная Маша в одночасье теряет ребенка, мужа, отца и странно, что остается в живых сама. По чистой случайности остается!..

И впереди у нее только одно – месть!

О теории и практике мести – мести как явления, как части человеческой природы – написано великое множество книг, сложены стихи и поставлены оперы. Чего только мы не знаем про эту самую месть!.. Она может быть жестокой, убийственной, кровавой, страшной. Опять же, из литературы нам известно, что можно потратить на эту самую месть не только состояние, но и собственную жизнь, как потратил Эдмон Дантес, ставший впоследствии графом Монте-Кристо!

Так вот, Маша Стихарева из романа Екатерины Островской «Мотылек атакующий» как раз и есть некоторым образом граф Монте-Кристо. Да-да, не удивляйтесь!.. Потеряв все, оказавшись посреди выжженной пустыни, в которую в одночасье превратилась ее устроенная прекрасная жизнь, Маша находит в себе силы... продолжать бороться.

И силы эти ей придает жажда мести, которая кажется совершенно разрушительной и невозможной. С такой жаждой просто немислимо... сосуществовать. Она требует утоления, но немедленно утолить не получается, нужна долгая и трудная подготовка – сложные пластические операции, поддельные документы, восточные единоборства. Из Маши Стихаревой, художника-иллюстратора детских книг, постепенно получается Мотылек – в полном соответствии с классическими канонами, когда этот самый мотылек вылупляется из кокона, и никто не ведает, какая именно бабочка получится – трепетная и прекрасная или ужасная и опасная.

Мотылек Маша одновременно прекрасна и опасна. Она торопится отомстить, потому что не знает, сколько проживет – час, день или еще целую жизнь, совершенно новую, ведь от старой ничего не осталось. Она стремительно учится быть другой, не такой, как раньше, ибо ей не на кого опираться и некому доверять.

«О, одиночество, как твой характер крут. Посверкивая циркулем железным, как холодно ты замыкаешь круг, не внемля увереньям бесполезным». Я очень люблю это стихотворение Беллы Ахмадулиной, и, как мне кажется, оно в полной мере соответствует нашей героине.

Маше-Мотыльку тоже поначалу кажется, что ее одиночество огромно и холодно и утраты невозполнимы. Но время идет, и жизнь, как это ни странно, берет свое, и помощь приходит – в тот самый момент, когда уверенность, что никто не поможет, становится окончательной и бесповоротной, как приговор, который не подлежит обжалованию.

Но она приходит, и поначалу даже непонятно – откуда. Нет, проницательный читатель вместе с героиней догадывается, конечно, но не сразу, не сразу!.. А то если б сразу, то и читать неинтересно, правда же?..

Энтони Тrollop, блестящий английский романист, писал когда-то, что «конец романа, как и конец детского обеда, всегда должен состоять из засахаренных орехов и чернослива». Иными словами, великий англичанин никогда не стеснялся того, что в его романах все и всегда заканчивается... хорошо. Даже не просто хорошо, а именно так, как нужно. Как больше всего хочется.

Роман Екатерины Островской «Мотылек атакующий» заканчивается в полном соответствии с заветами Тrolloпа.

Так что читайте с удовольствием, ей-богу!.. У них, у ребят в этой книжке, все получилось. Значит, у нас с вами тоже все получится, если приложить усилия. И мы постараемся их приложить – в нашей самой обыкновенной и ничем не примечательной жизни!..

Часть первая

Она еще не до конца очнулась и открыла глаза, но уже боялась просыпаться. Потом вспомнила свой сон и содрогнулась. Хотела закричать и не смогла. Маша не чувствовала ничего, кроме боли, которая разрывала ее изнутри. Она не знала, где находится и где остался мир, в котором жила прежде. Попробовала пошевелиться, но ничего не вышло – не было сил двинуть даже пальцем. Открыть глаза тоже не получалось. Так и лежала, в темноте и тишине, без движения.

Затем услышала голос. Причем очень четко, словно тот, кто говорил, произносил слова возле самого ее уха.

– Сломаны два ребра, челюсть, носовая перегородка. Ожогами поражено почти сорок процентов кожи...

«О ком говорит этот человек? А может, и не человек вовсе, а Бог? – подумала Маша. – Ведь я умерла».

– Господи, за что? – воскликнула рядом женщина. – За что ты караешь ее так жестоко?

– Она жива, – ответил Бог, – и это самое главное. Предстоят еще операции, но...

Женщина зарыдала.

– Успокойтесь, – произнес Бог негромко, – она может вас слышать. Ваша дочь молода, и у нее впереди вся жизнь.

– Какая жизнь? – продолжала плакать женщина. – У нее же никого не осталось! Если она узнает...

«Голос мамы, – вспомнила Маша и удивилась: – Неужели мама тоже умерла?»

Она снова попробовала открыть глаза, но опять не удалось: что-то мешало, стягивало лицо, делая веки тяжелыми и неподвижными.

– Вы можете остаться, – сказал Бог. – Только учтите, ей нельзя говорить. Не надо задавать вопросы, просто постарайтесь ее успокоить.

– Спасибо вам, доктор, – произнесла мама.

«Я в больнице, – догадалась Маша. – Значит, я заболела. Только почему здесь так темно?»

Наступила тишина. Кто-то гладил ее ладонь, и Маша едва чувствовала прикосновения. А своего тела по-прежнему не ощущала. Тело лежало на больничной койке, но было как-то отдельно, а она сама – неизвестно где. Сознание находилось в гулком пустом пространстве, куда из мрака долетали голоса невидимых людей. Может, и пространства не было, как и времени, существовали только боль и горе. Только сейчас Маша поняла, что разрывается в ней и от чего.

– Где Сережа? – спросила она. – Где Славик?

Спросить не получилось, губы остались неподвижными. Маша услышала слабый стон и удивилась. Она не поняла сначала, а потом догадалась – стонет она сама, но не нынешняя, без движения лежащая в палате клиники, а та, другая, чуть живая внутри, которая еще может стонать и что-то помнить о прошлом, о жизни, которая, вспыхнув, сгорела мгновенно и черным пеплом развеяна ветром вперемешку со слетающим на спящую землю первым снегом.

Вечность пронеслась мимо, превратив Вселенную в маленькую точку посреди бескрайнего горя. Осталось только то, что случилось мгновение назад и будет теперь до скончания веков – полыхающий гараж и она сама, избитая и переломанная, пытающаяся вытащить из пламени умирающего мужа.

Маша подняла руку и, сдирая с лица бинты, закричала.

С детства Маша любила рисовать. А когда заканчивала школу, поняла, что хочет стать не просто художником, а книжным графиком – ей очень хотелось делать иллюстрации для книг, причем обязательно для детских. Книги должны быть веселые и мудрые, а картинки в них

такие, чтобы маленькие читатели листали страницы, всматривались в нарисованную Машей жизнь, постигали ее и восторгались. Но мечты могли остаться только мечтами: поступить на худграф будет очень трудно. Она рисовала, конечно, неплохо, но талантливых людей немало, а тех, кто получил уже начальное специальное образование, закончив художественную школу, вероятно, еще больше. Маша тоже ходила в художественную студию при детском Доме творчества, и в выставках детского рисунка участвовала, но все равно понимала, что остается только любителем. И все же решила рискнуть.

Как ни странно, но творческие экзамены она сдала, по рисунку даже на «четверку». Ну а по общеобразовательным предметам получила «отлично». И почти сразу началась студенческая жизнь.

Несколько раз ребята из группы приглашали ее в пивные бары, но потом перестали – с Машей Белянкиной было неинтересно: пиво она не пила – брала себе кружку, но та так и оставалась стоять на столе, пока кто-нибудь по рассеянности не выпивал ее. И уходила она скоро, ссылаясь на то, что от сигаретного дыма ей разъедает глаза. Короче, сокурсники посчитали девушку некомпанейской и перестали звать даже на домашние вечеринки. Машу это устраивало. Не то чтобы ей не нравились одногруппники и их посиделки, дело было в другом – она была влюблена. Влюбилась, как ей думалось, навсегда и, как часто бывает, безответно. Влюбилась сразу, с первого мгновения, как только увидела *его*.

Спустя пару недель после начала занятий Маша зашла в студенческую столовую, встала в очередь к буфету и увидела высокого парня, который сидел за столом с приятелем. Парень почти сразу поднялся и оказался еще выше, чем Маше показалось сначала. Молодой человек перехватил ее взгляд и улыбнулся. А она быстро отвернулась и стала рассматривать салатики на холодильном прилавке, тут же почувствовав, как внутри у нее все сжалось и сердце застучало быстро-быстро.

– Это Сергей Стихареv, – шепнула стоящая рядом одногруппница Рита Коваленко, – на четвертом курсе архитектурного учиться.

Откуда она могла знать этого парня, проучившись в институте, как и Маша, всего две недели? Но Рита, как выяснилось, не только не ошиблась, но и успела уже с ним познакомиться. На переменах она бежала на третий этаж, где располагался архитектурный факультет, чтобы занять место в курилке. Стихареv не курил, но приходил туда за компанию с друзьями. Потом Ритка делилась впечатлениями.

– У него рост – метр девяносто. Он играет за институтскую команду в волейбол, кандидат в мастера спорта. Метр девяносто – это серьезно. Тебе, Маша, рядом с ним будет весьма и весьма неуютно...

Почему Рита вдруг решила, что подружка только и думает, чтобы оказаться рядом с тем парнем? Маша, конечно, мечтала об этом, но, как ей казалось, успешно скрывала свой интерес.

А Коваленко продолжала:

– У тебя какой рост?

– Метр шестьдесят семь.

Ритка недоверчиво осмотрела Машу с ног до головы.

– Не может такого быть! У меня метр шестьдесят четыре, а я выше. Хотя ты ведь в кроссовках, а у меня каблук – четырнадцать сантиметров...

Коваленко строила планы на праздничный новогодний вечер и делилась ими с Машей.

– Я уже договорилась с приятелем Сергея, с Новиковым, что он меня возьмет в их мастерскую. Сказала, что у меня есть бутылка виски, вот Тимур сразу и пригласил. Кстати, какое виски лучше взять?

– Я не знаю, – пожала плечами Маша, страдая с каждой секундой все больше и больше.

А Ритка ничего не замечала.

– Возьму шотландское. Дорого, конечно, но пока за все надо платить самой. Надеюсь, это скоро окупится... Потом, после того как посидим в мастерской, мы спустимся в зал, где будет дискотека. В четыре утра она закончится, и я приглашу Стихарева к себе в общагу. Я уже договорила с Пенкиной, что она в другой комнате переночует. Я там елочку поставлю, чтобы все по-домашнему было, свечку с индийскими благовониями... Может, еще одну бутылку виски взять, как ты думаешь?

– Не знаю, – снова пожала плечами Маша, продолжая улыбаться из последних сил.

– А ты сама на вечер пойдешь?

– Нет, – покачала головой Маша, – я Новый год обычно с родителями встречаю.

– Ну и правильно, – одобрила Ритка. – Что тебе здесь делать? Наверняка ведь все будут курить... И пить.

Коваленко готовила целую войсковую операцию по захвату студента четвертого курса Стихарева. Купила себе новые сапоги на высоченной шпильке. Сапоги были синие, замшевые, простроченные серебряной ниткой. Приобрела еще коротенькую кожаную юбочку, тоже синюю. Рита едва влезала в нее, а когда садилась, юбка высоко задиралась, и потом, встав, ее надо было обязательно одергивать, потому что юбочка не хотела опускаться на прежнее место. Еще она купила голубые колготки с вышитыми на них рыбками. Все это Коваленко продемонстрировала Маше, уверенная в своей неотразимости.

– У нас ведь Год Синего Кролика наступает, – пояснила Ритка. – Так ведь?

– У китайцев наступает, да и то в феврале, – уточнила Маша.

– Да какая разница! – отмахнулась Коваленко. – Главное, что синего, и у меня как раз все в тему. Я еще синюю маечку в горошек присмотрела. Нормально будет в горошек?

– Лучше в морковку, – посоветовала страдающая Маша. – Год Кролика ведь.

Рита покачала головой и произнесла с сочувствием:

– Ой, ты мне что, завидуешь? Разве так можно, Машенька, ведь мы подруги.

– Нет, как раз наоборот: я рада за тебя, – соврала Маша.

Теперь она уже точно знала, что на институтский вечер не пойдет.

– А еще я себе белье присмотрела, итальянский комплект синего цвета, – продолжала трещать Коваленко. – Хотя скорее цвета морской волны. Стринги, разумеется. А бюстик – просто сказка. Такой пуш-ап! Я уже примеряла его. В зеркало глянула – чуть не обалдела: у меня как будто бы третий номер...

За неделю до Нового года Коваленко купила все, о чем мечтала. И даже бижутерию Сваровски, на которую одолжила деньги у Маши. Устроила генеральную примерку. Примерка прошла успешно, только юбочка потом не хотела сниматься.

– Ну, ничего, – успокоила себя Рита, – надеюсь, мне не самой придется ее с себя стаскивать.

Маша не пошла бы на вечер, но случилось так, что тридцать первого декабря к ней в гости приехала Рита. В девять часов сели за стол, чтобы проводить Старый год, и до десяти Коваленко дегустировала все блюда и закуски. А потом вспомнила:

– Ой, меня же Тимур Новиков ждет! Я обещала к десяти подойти.

Посмотрела на Машу, потом на себя, ослепительную, отражающуюся в настенном зеркале, и вдруг предложила:

– А поехали вместе!

Маша отрицательно покачала головой. И тогда мама сказала:

– Поезжай, а то ты каждый год с нами. Сегодня мы с отцом уж сами как-нибудь. Тебе с друзьями веселей будет.

Отец дал денег на такси в оба конца, а мама – бутылку шампанского и пластиковый контейнер с салатом оливье.

Когда уже подъезжали к институту, Ритка опомнилась:

– Неудобно, конечно: ведь приглашали меня одну.

– Если не пустят, я не обижусь, – успокоила ее Маша.

Новиков встретил их в вестибюле и даже обрадовался тому, что Рита приехала не одна. Он поцеловал Коваленко в щеку, а потом приложился губами к руке Маши.

– Весьма кстати, – загадочно улыбнулся Тимур, – кое-кто будет рад. А то у нас, за редким исключением, мужское общество.

От Новикова пахло вином. Тем не менее он заглянул в переданный ему полиэтиленовый пакет, обрадовался тубусу с бутылкой виски, шампанскому и особенно салату оливье.

Поднялись на четвертый этаж, вошли в полутемный коридор и сразу услышали музыку.

– No more champagne... – пела солистка «Аббы» за приотворенными дверями мастерской, в которой встречала Новый год компания студентов четвертого курса.

Маша неожиданно подумала, что совсем не хочет туда идти. То есть, конечно, хочет, и даже очень, но смотреть, как Ритка будет обхаживать Стихарева, желания не было. И все же она вошла в мастерскую следом за Коваленко.

Собравшиеся гуляли, как видно, уже не первый час. На сдвинутых столах, застеленных листами ватмана, стояли бутылки и одноразовые пластиковые тарелки с нарезанными колбасой и сыром. Вокруг сидели студенты, человек двадцать. Несколько пар танцевали. Девушек и в самом деле было не так уж много. Риту с Машей усадили за стол и тут же открыли принесенную ими бутылку шампанского. Виски Коваленко благоразумно спрятала в свою сумочку. Хотя скрыть тубус полностью не удалось, он торчал почти наполовину, и тогда Рита прикрыла сумку своей дубленкой.

Кто-то из студентов начал произносить тост, а Маша тем временем оглядела присутствующих. Сергея в мастерской не было.

Она отпила шампанское и поставила почти полный пластиковый стаканчик обратно на стол. И тут же услышала, как Рита шепотом спросила Новикова:

– А где Стихарев?

– Он встретит Новый год дома с мамой, а потом, может быть, подъедет.

Маша почувствовала облегчение, а Рита страшно расстроилась.

– Что это он такой не компанейский? Тут друзья собрались, веселье, а он с мамой... Прямо как наша Машка, которую я силой из дома вытащила.

Новый год пришел под восторженные крики и поцелуи. Новиков поцеловал Риту, а потом хотел прижать к себе и Машу, но та отстранилась.

– Вообще-то я по-дружески... – объяснил Тимур. И поцеловал Риту еще раз. Второй их поцелуй длился почти минуту.

Вскоре компания стала распадаться, некоторые отправились на дискотеку, а кое-кто в дальние, почти не освещенные, углы мастерской за кульманы.

Новиков тоже предложил пойти на институтский вечер. Втроем они спустились на второй этаж и вошли в переполненный зал. Новиков с Ритой сразу кинулись танцевать, а Маша встала у стены между занавешенными окнами. Так и стояла там, охраняя Риткину сумочку с торчащим из нее тубусом. К ней подходили студенты, приглашая на танец, но Маша отказывалась. Смотрела на колышащуюся толпу, и у нее даже начала кружиться голова. В какой-то момент ей вдруг показалось, что среди танцующих пар мелькнула фигура Сергея, стала вглядываться, но потом поняла: нет, только показалось, все напрасно. Отвернувшись в сторону и почти сразу услышала рядом:

– Здравствуйте, Маша. С наступившим вас Новым годом.

Она обернулась, увидела рядом с собой Стихарева и растерялась от того, что тот так близко, а еще больше от того, что Сергей знает ее имя. Потому ответила не сразу.

– Спасибо, – наконец произнесла тихо, чувствуя, что краснеет.

– Я не надеялся увидеть вас здесь, – сказал Сергей.

– Я тоже, – ответила Маша и смутилась еще больше, поняв, как глупо и двусмысленно прозвучали ее слова. – Я не думала сюда приходить, – объяснила она, – подруга уговорила.

– Хорошая у вас подруга, – улыбнулся Сергей. – Выходит, я ей многим обязан.

Молодой человек улыбался так обаятельно и просто, что Маша почувствовала себя счастливой. И тут же поняла: счастье вот-вот закончится – сейчас вернется Рита и бросится на Сергея в атаку.

А пока он стоял рядом и смотрел на сумочку Коваленко.

– Вас попросили охранять чужую вещь?

Маша кивнула.

– Дайте мне сумку и пойдем танцевать, – предложил Стихарев.

Они пробрались сквозь пары в центр зала. Одной рукой Сергей держал за талию Машу, а второй прижимал к себе женскую сумку с торчащим из нее пластиковым тубусом. Гремела музыка, Сергей что-то говорил, а Маша почти ничего не слышала, но все равно кивала, соглашаясь. Парень, как видно, это понял и замолчал.

Музыка ненадолго смолкла, пары начали расходиться, и тогда Маша увидела целующихся Ритку и Новикова.

– Это и есть ваша подруга? – спросил Стихарев.

Маша кивнула. Сергей подошел, похлопал Новикова по плечу и вручил ему сумочку с тубусом.

– Теперь твоя очередь подносить снаряды.

Рита, увидев Стихарева, попыталась высвободиться из цепких объятий Тимура, но с первого раза не получилось. Снова зазвучала музыка. Танцы продолжились. Рита танцевала совсем рядом и уничтожала Машу взглядом. Потом вчетвером вернулись к стене, Коваленко предложила поменяться партнерами. Новиков был вроде не против, но Сергей покачал головой с самым решительным видом.

– В другой раз, – сказал он. И вдруг добавил: – Хотя вряд ли.

Снова танцевали, причем Тимур оставил сумочку своей партнерши на подоконнике. А когда они вернулись к окну во время следующей паузы, выяснилось, что тубуса в сумке уже нет. Ритка с ненавистью посмотрела на Машу, а потом сказала Новикову:

– Слышь, ты! Между прочим, это виски тыщу рублей стоит.

– Этот виски, – поправил ее Тимур. – Ты особо не переживай, я тебе компенсирую.

– От вас дожدهшься, – вздохнула Коваленко, продолжая зло смотреть на Машу.

Новиков потащил ее танцевать, но Рита вырвалась.

– Да ну тебя!

Снова поднялись в мастерскую, где было уже не так весело. По-прежнему надрывалась «Абба», однако будущие архитекторы, забросив танцы, не обращали на музыку никакого внимания, зато пытались что-то доказать друг другу, всем сразу и себе тоже.

– Я прошлым летом одному уроду коттедж спроектировал. Вот представь... – Студент достал ручку и начал рисовать на листе ватмана, служащего скатертью. – Всего три уровня. Если быть точным, то четыре, один под землей. Если быть еще более точным, то полтора уровня под землей и три с половиной – наверху.

– Всего шесть, – посчитал его собеседник.

– Почему? – не понял автор проекта.

– Полтора и три с половиной будет шесть.

– Ты что-то путаешь! Всего получается... пять получается. Я, кстати, и лифт рассчитал. Тут рассказчик заметил появившихся за столом Риту и Машу и спросил:

– Девушки, а вы музыку любите?

– Да пошли вы! – откликнулась все еще злая Ритка.

– Напрасно. Архитектура – это застывшая музыка, как еще Корбюзье заметил.

– Шеллинг, – поправил его другой студент...

Стихареv посмотрел на своих приятелей и усмехнулся:

– Трезвые они казались нормальными людьми.

Но Маша почти не слышала, о чем говорят вокруг. Она во все глаза глядела на Сергея. А тот вдруг сообщил:

– Я приходил смотреть работы в вашу мастерскую. И мне очень понравились ваши иллюстрации к «Маленькому принцу» Экзюпери.

– А как вы узнали, что это мои работы? – удивилась Маша.

– Там же стояла фамилия – Белянкина, и я сразу понял, кто автор.

– Дурацкая фамилия, – вздохнула Маша.

– Почему? – искренне удивился Стихареv. – Белянка – это такая бабочка. Хотя, если честно, вы больше похожи на мотылька. Легкого и совсем невесомого...

Они сидели и разговаривали. Новиков усиленно спаивал Ритку. Коваленко пила шампанское и портвейн, не забывая бросать гневные взгляды на подругу. Мастерская постепенно пустела, осталось всего несколько человек.

Стихареv посмотрел на часы.

– Шестой час, – сказал он.

– Сколько? – удивилась Маша. И неожиданно для себя добавила, не желая прерывать общение. – Я никуда не тороплюсь.

– Ну и напрасно, – скривилась Рита.

Но никто на нее не обращал никакого внимания. Кроме Тимура, разумеется.

– Не переживайте, – сказал Сергей Маше, – я провожу вас.

Девушка кивнула. Расставаться ей не хотелось. Но в этот момент Новиков с Ритой начали целоваться, и она поднялась с места и начала собираться.

Сергей и Маша спустились по лестнице. Танцы уже закончились, здание покидали никуда не спешащие студенты – группами и парочками.

Вахтер, закрывая дверь за Машей и Стихаревым, спросил:

– Много там еще народу?

– Не особенно, – ответил Сергей.

Такси долго ловить не пришлось. Как только Сергей увидел приближающийся автомобиль и поднял руку, машина сразу же остановилась возле них. Путь домой оказался коротким.

Потом они стояли на лестничной площадке первого этажа.

– Я, когда увидел тебя в начале года в столовой, подумал, что мне это привиделось: такая красивая девушка и вдруг совсем близко...

– Я, вероятно, то же самое испытала, – призналась Маша.

– Мне не хочется расставаться, – произнес он.

– И мне, – шепнула Маша.

– Мне кажется, что я люблю тебя, – сказал Сергей.

– А мне не кажется, – улыбнулась Маша, – я точно знаю, что люблю тебя. Не думала только, что признаюсь так легко.

Сергей наклонился и коснулся губами Машиной щеки. А потом сказал:

– Сейчас слишком рано, не стоит, наверное, тревожить твоих родителей. А днем я позвоню и подъеду, если ты не против.

– Я буду ждать.

– Я приеду к тебе и к твоим родителям, чтобы попросить твоей руки.

– Хорошо, – кивнула Маша, даже не успев удивиться внезапному предложению, – я предупрежу их. Скажу, что мы давно любим друг друга.

– Это правда, – согласился Сергей. – А я скажу своей маме, что на днях познакомлю ее со своей будущей женой. А потом ты приедешь к нам со своими родителями...

Маша вошла в тихую квартиру. Осторожно пробралась в свою комнату. Опустилась на приготовленную заботливой мамой постель и задохнулась от счастья. Еще накануне вечером она и мечтать ни о чем таком не решалась. Лишь думала, как бы ей хотелось познакомиться с Сергеем. И завидовала Ритке, у которой все так легко в жизни. А теперь сама Маша готова была взлететь. Поднять руки и вспорхнуть, как мотылек. Как она легко и просто сказала ему о своей любви... Нет, все же Сергей первым признался. Ой, а вдруг передумает? Нет, она видела его глаза, когда он произносил такие важные для нее слова, он не может обмануть. И теперь что получается, она скоро выйдет замуж? Надо же, как неожиданно все! Значит, теперь она невеста? Или сначала Сергей официально сделает предложение, они подадут заявление, и только после этого можно называться невестой?

Маша легла в постель, продолжая думать обо всем, что произошло ночью. Вспоминала, как Стихарев подошел к ней, как они потом танцевали, как Сергей признался ей в любви. Наконец девушка заснула, и ей приснилось лето. Она стояла у окна и смотрела во двор. Двор был просторный, там гуляли взрослые и дети, но Маша смотрела лишь на одного маленького мальчика, который скользил по дорожке на роликах, взмахивая руками, как будто летел. Потом малыш поднял голову и посмотрел наверх, как раз на то окно, из которого выглядывала Маша. Мальчик помахал ей и что-то крикнул, довольный своим полетом. Маша поняла, что это ее ребенок, и заплакала от счастья.

Она проснулась от того, что щелкнул дверной замок: судя по всему, родители куда-то ушли. В квартире было тихо. Маша продолжала лежать, не открывая глаз, надеясь, что сон вернется и рядом с ней окажется Сергей, попыталась представить его. Но тут прозвучал телефонный звонок. Маша сняла трубку и услышала голос Риты.

– Короче, так, – металлическим голосом произнесла Коваленко, – я звоню тебе из телефонной будки, чтобы сказать, что ты мне больше не подруга.

И тут же последовали гудки.

Часы показывали начало второго, за окном светило зимнее солнце. Это был самый лучший день в ее жизни! Валяться в такой день в кровати глупо. Тем более что Сергей обещал приехать.

Маша вскочила с постели и отправилась приводить себя в порядок. Накануне она поехала в институт без всякой подготовки: не сделала прически, практически без макияжа, хотя, собственно, никогда особо и не пользовалась косметикой. Но сегодня жениха надо встретить как полагается...

Маша вышла из душа, когда опять зазвонил телефон.

Это снова была Коваленко.

– Короче так, – сказала она все тем же металлическим голосом, – я звоню, чтобы спросить: у вас шампанского не осталось?

– Должно остаться, – ответила Маша, беря в руки фен. – Было три бутылки, одну мы выпили с родителями, одну забрали с собой. Значит, одна все еще в холодильнике.

– Ты проверь, – потребовала Ритка, – а я приеду и кое-что интересное расскажу.

Снова пошли гудки.

Маша сушила голову феном, когда Коваленко позвонила опять.

– Короче так. Приеду, все расскажу с подробностями, а пока слушай: у нас с Тимуром было...

– Что? – не поняла Маша.

– Все было. Сначала в мастерской. Потом я его к себе в общагу привела. Плохо только, что молния на юбке сломалась и колготки порвались. Час назад он уехал, оставил мне таксофонную карту и свой номер телефона. Вот я тебе и звоню из будки. Шампанское есть?

– Как ни странно, целых две бутылки.

– Отлично. Еду к тебе. Только просьба: ты за такси не заплатишь?

Ритка снова отключилась. А Маша подумала о том, что, конечно, надо было сказать подруге, что шампанского можно выпить и завтра, а сегодня у нее другие планы. Но тогда Коваленко потребовала бы рассказать, что за планы, и пришлось бы отвечать, Рита бы расстроилась. А с другой стороны, она и так все узнает. К тому же у нее с Тимуром Новиковым завязались отношения, так что о Стихарева Ритке нужно забыть. Тем более что Сергей любит только Машу...

Хлопнула входная дверь – домой вернулись родители. Только Маша собралась пойти к ним, как вновь зазвонил телефон.

– Я люблю тебя, – сказал Сергей, едва Маша сняла трубку. – Хочу приехать, а потому спрашиваю: ты еще не передумала?

– Нет, – ответила, улыбаясь, Маша, – я тебя очень жду. А родителей сейчас предупрежу.

– Можно я приеду с мамой? – спросил Сергей. – Чтобы сразу уж совместить все знакомства.

– Конечно! – обрадовалась Маша.

Они разговаривали долго. Положив трубку, Маша пошла в комнату родителей и объявила, что выходит замуж и сегодня к ним придет ее жених со своей мамой – знакомиться. Родители если и обрадовались, то виду не подали. Правда, особенного расстройства на их лицах Маша тоже не заметила. Она рассказала, что ее избранник учится на архитектора и через два года получает диплом. Любят они друг друга давно – уже три с половиной месяца, но признание в этом состоялось только вчера.

– Мы с твоей мамой дольше встречались, – покачал головой отец.

– Вы через полгода после знакомства поженились, – напомнила Маша. Потом добавила: – И у нас с Сережей, если завтра подадим заявление, тоже как раз полгода получится.

– Так мы не против, – сказала мама, – только неожиданно как-то.

Стали готовиться к торжественной встрече. Когда через полтора часа раздался звонок в дверь, Маша бросилась открывать, и родители, папа в парадном костюме и мама в новом платье, тоже вышли в коридор. Но всех ждало разочарование: в квартиру ввалилась Ритка Коваленко. Она помахала всем рукой и стала снимать сапоги. От нее веяло духами «Пуазон» и сильно пахло пивом.

Родители переглянулись, но промолчали. Коваленко пошлепала в комнату Маши, а родители вернулись в свою и, в ожидании, уселись в кресла, стали смотреть фильм «Ирония судьбы», который знали уже наизусть.

– Короче, – затараторила Рита, оставшись наедине с подругой, – этот Тимур оказался законченным негодяем. Воспользовался моей минутной слабостью сначала в их мастерской, а потом в общаге. И еще утром, перед тем как смыться. Оставил мне таксофонную карту...

– Ты уже говорила, – напомнила Маша.

– Я не все рассказала. Сообщаю подробности: еще он оставил три банки пива, номер своего телефона и записку, в которой написал дословно следующее...

Коваленко посмотрела на Машу и только сейчас заметила в ней некоторые перемены.

– А что это с тобой? – удивилась она. – Прическа, макияж, платье...

– Мы ждем гостей, – призналась Маша.

– Я не помешаю? – шепотом спросила Рита, покосившись на дверь. И сама же решила: – Нет, конечно. Я тихо посижу.

Маша задумалась, как сообщить подруге новость, и тут та спросила:

– А кого ждете?

Ну вот, все само собой разрешилось, скрывать что-либо нет смысла.

– Ждем Сергея и его маму, – просто ответила Маша.

Коваленко кивнула как-то отрешенно. И тут до нее дошло.

– Какого Сергея? – подозрительно спросила она.

– Сергея Стихарева и его маму. Они приедут к нам знакомиться.

Ритка открыла рот и вытаращила глаза. А потом опомнилась и закричала:

– Как ты могла?! Ты, кого я считала своей лучшей подругой... Кому я поверяла все свои тайны... Кому я открылась и рассказала о своей любви... и теперь именно ты лишаешь меня всего?!

Коваленко вскочила и бросилась в коридор. Натягивая сапоги, продолжала возмущаться:

– Я так ждала этого праздника! Я вложила в него всю душу, не говоря о материальных тратах на сапоги, бракованную юбку и поганые колготки, не говоря уже про виски за тыщу рублей, которое у меня сперли... и вообще... И что я получила взамен?

– Прости, – тихо сказала Маша, – но сердцу не прикажешь.

Рита надела дубленку, вышла на площадку, положила палец на кнопку вызова лифта и объявила:

– Ты мне больше не подруга!

Подъехала кабина, ее двери разъехались в стороны, и из лифта вышел Сергей с большим букетом алых роз, а следом его мама.

– Привет, Рита, – поздоровался Стихарев.

Но Коваленко демонстративно отвернулась и молча вошла в кабину.

Сергей приблизился к Маше и поцеловал ее. А потом сказал, глядя на свою маму:

– Это Маша, на которой я хочу жениться.

– А я Елизавета Петровна, – представилась его спутница.

Женщина тоже подошла и поцеловала Машу.

В квартиру они вошли вместе.

Ритка вернулась через пятнадцать минут. Позвонила в дверь и, когда Маша ей открыла, сказала:

– Я на пять минут. Мне позвонить надо, а на карте деньги кончились.

Коваленко позвонила Тимуру Новикову и разговаривала с ним минут сорок. Стояла на кухне и беседовала. То шепотом, то громко. То возмущалась, то хохотала. В комнату иногда доносились ее фразы: «Милый, ты просто прелесть... Приезжай прямо сейчас... Давай тогда завтра... А молнию на юбке кто менять будет?»

Первой не выдержала мама Маши.

– Давайте и Риту позовем. Неудобно как-то, она в квартире, а мы как будто спрятались от нее...

Коваленко была на свадьбе свидетелем со стороны невесты, а Тимур Новиков стал свидетелем со стороны жениха. Свадьбу сыграли в квартире родителей Маши. Народу было много, гости с трудом уместились в гостиной. Потом Маша и Сергей поехали в квартиру Стихаревых, в которой, впрочем, и до того уже жили вдвоем. Елизавета Петровна перебралась в Рыбинск, где у нее числилась квартирка, доставшая после смерти тетки. А в середине октября у Маши родился Славик.

Маша ни разу не пожалела о своем выборе. Даже наоборот: каждый день был подтверждением того, что ей выпал единственный шанс быть счастливой. Она благодарила случай, а точнее Ритку, которая позвала ее с собой в новогоднюю ночь. Конечно, знакомство с Сергеем могло произойти и без помощи подруги, но кто знает, когда бы еще решился тот подойти к ней – в перерыве между занятиями или присесть за ее стол в буфете. То есть знакомство все равно бы состоялось, только ждать пришлось бы долго, а так счастье пришло к Маше именно в ту ночь. И не покидало уже никогда.

Получив диплом, Сергей попал в проектный институт. Но вскоре перешел на другую работу – один из его бывших преподавателей открыл свою фирму, чтобы проектировать малоэтажную застройку пригородов, и пригласил Сергея к себе. Работы было много и с каждым днем становилось все больше – владелец штат сотрудников не увеличивал. Зарплата тоже не росла, и вот однажды Тимур Новиков, который трудился в фирме вместе с Сергеем, предложил: а что если им самим что-нибудь подобное организовать?

Друзья вдвоем зарегистрировали собственное предприятие и вскоре выиграли тендер. Конечно, не случайно выиграли. Некий чиновник, от которого зависело принятие решения, в частной беседе намекнул Стихареву, какая необходима сумма, дабы небольшая фирма получила крупный заказ. Вполне возможно, для чиновника-то сумма была мизерной, но для Сергея и Тимура – огромной. Денег взять было негде. Кредит без обеспечения не дал бы ни один банк. Об этом узнал отец Маши. Он ничего не сказал ни дочери, ни зятю. Только с женой посоветовался. И Машины родители продали свою трехкомнатную квартиру, купив для себя небольшой коттедж за городом. Полученной разницы как раз хватило на взятку.

Работы у Сергея стало невпроворот. Он трудился без выходных: уходил рано, пока Славик спал, и возвращался поздно, когда малыш уже спал.

– Когда-нибудь приду домой, а сын совсем взрослый, – шутил Сергей.

Зато он стал прилично зарабатывать и через три года мог вернуть тестю долг. Сергей решил купить родителям жены квартиру в хорошем доме и большей площади, чем прежняя, которая была продана. Но отец Маши отказался. Тогда Стихареv построил дом. От кирпичного коттеджа тесть отказываться не стал, тем более что там были гараж и просторная мастерская. Когда родители Маши приехали «принимать» новый дом, они увидели в гараже еще и новенький внедорожник. Больше всех была счастлива Маша.

Молодая семья Стихаревых продолжала жить в небольшой квартире – две маленьких комнатки и крохотная кухня – оставленной Сергеем матерью. Но Сергей любил удивлять. Однажды он привез Машу к недавно построенному зданию. Супруги поднялись на лифте, подошли к какой-то квартире.

Сергей достал из кармана ключи, открыл створку с дубовым шпоном и сказал, улыбаясь:

– Это мой подарок тебе, любимая.

Маша вошла внутрь и готова была заплакать от счастья – так прекрасно здесь все было устроено. Она переходила из комнаты в комнату, рассматривала мебель, садилась в кресла. В спальне присела на большую кровать и засмеялась.

– Тебе нравится? – спросил Сергей.

Она вскочила с кровати, обняла мужа и прижалась к нему.

– Все для тебя, Мотылек, – шепнул тот.

В тот год Славик пошел в школу. От нового дома до школы было совсем близко – только двор перейти. Двор был просторный, и когда Маша впервые выглянула в окно, она поняла, что однажды уже видела этот двор. Долго вспоминала, где именно, пока с удивлением не поняла, что видела в давно забытом сне.

Супруги прожили год в новой квартире. У Маши здесь имелся собственный кабинет. Или, вернее, мастерская, где она выполняла заказы издательств. Таковых, правда, было немного – Маша работала над иллюстрациями для детских книг, а их издательства выпускали не так уж много. Зато все стены в квартире были увешаны ее рисунками и офортами. А стены в комнате сына она превратила в... лес. И в том лесу жили медвежата, зайчата, бурундуки и ежики, а по ветвям деревьев прыгали белки и горностаи, а в небесах летали птицы. И повсюду мотыльки, мотыльки, мотыльки...

Начало октября ничем не отличалось от конца лета. Ярко светило солнце, деревья во дворе едва начинали желтеть. Летней жары, конечно, не было, но стояла теплая и сухая погода, Маша даже окна в квартире не закрывала.

Была суббота, художница рисовала эскизы для случайного заказа, – ей поручили сделать иллюстрации для книги сказок Вильгельма Гауфа – когда открылась входная дверь и в квартиру кто-то вошел. Маша выглянула из кабинета и увидела в прихожей Сергея, рядом с которым стояли Тимур Новиков и Ритка.

– Ребята заскочили ненадолго, – объяснил муж. – Они завтра в Испанию улетают на пол-месяца, а у Славика через неделю день рождения, вот они и решили заранее подарок сделать.

– Мы во дворе встретились, – добавил Тимур. – К парадному подъехали и видим, что Сережа из своего «Фрилендера» выходит.

– На проспекте перед вашим домом такие пробки! – принялась возмущаться Рита. – Ох уж эти наши хозяйственники... Не могли летом дороги отремонтировать, взялись, когда осень наступила...

Маша подошла к гостям и расцеловалась с подругой. Славик выскочил из своей комнаты, увидел в руках дяди Тимура пакет и восхитился:

– О, ролики! Это мне?

– Да, тебе. Подарок на день рождения, – кивнула Рита. – Там же наколенники и налокотники. Хотели еще шлем купить, но были только большие размеры. Ничего, мы его тебе из Испании привезем.

Славик поблагодарил, обнял Риту и Тимура, потом вопросительно посмотрел на маму.

– Можно я прямо сейчас во дворе покатаюсь?

– Чуть позже, – ответила Маша. – Гостей пойдем провожать и вместе погуляем: ты, папа и я. Правда?

Она посмотрела на мужа: вдруг у него на сегодня какие-нибудь дела запланированы? Сергей кивнул.

Но Славик стал упрашивать, и Рита вступилась за него:

– Да ладно, пусть один пока покатается. Что с ним во дворе случится?

И Маша согласилась.

Мужчины прошли в кабинет хозяина дома, а Маша повела Риту в свою мастерскую и стала показывать то, над чем работала сейчас. Рите понравилось.

– Сколько обещали заплатить? – поинтересовалась она.

– Пока нисколько, – призналась Маша, – даже аванса не дали. Пообещали, если понравится, сразу всю сумму выплатить.

– А я без аванса не работаю, – заявила Рита, – половину мне платят по заключении договора, а после сдачи – остальное.

Рита трудилась над комиксами для взрослых. Порой ее картинки были такого откровенного содержания, что Маша, когда видела их, думала: подруга рисует учебные пособия для маньяков. Творчества в них не было никакого. Рита и сама понимала это.

– Деньги платят, и ладно, – говорила она, – зато постоянные заказы. И гонорары повыше, чем у тебя. Тиражи-то больше, куда больше, чем у детских книг.

Однажды Маша спросила, кто покупает комиксы. И где они продаются, ведь в книжных магазинах их не увидишь.

Рита только пожала плечами: ее этот вопрос вообще не интересовал.

– Говорят, что в воинских частях на них спрос. И на стройках, где гастарбайтеры работают...

Коваленко вышла замуж перед самым окончанием института. Ее роман с Новиковым, начавшийся той новогодней ночью, продлился до следующего лета. На каникулы Ритка уехала домой в Вологду, Тимур обещал ее навестить, но так и не выбрался. Коваленко обиделась, хотя в Вологде у нее тоже был кто-то. Осенью Рита и Тимур пересеклись в институте, и она ему все

высказала. После чего они не встречались почти год. Нет, сталкивались, конечно, в коридорах, но делали вид, что не интересуют друг друга.

Перед защитой дипломного проекта Новиков подловил Ритку и пригласил к себе домой. Та принялась отказываться, но Тимур уверял, что ему очень нужна ее помощь – он не успевает выклеить макет своего проекта. Как выяснилось, у него появилось собственное жилье. Квартира, доставшаяся ему от внезапно скончавшейся бабушки, понравилась Ритке гораздо больше, чем комната в общежитии, которую ей приходилось к тому же делить с неряхой Пенкиной, и Коваленко решила остаться у Новикова. Три года они прожили в гражданском браке, хотя военные, так сказать, действия время от времени между ними случались. Ритка оказалась ревнивой и задержки Тимура на работе считала подтверждением его многочисленных измен. Она била посуду, плакала и приезжала ночевать к Стихаревым. Пила на кухне водку и жаловалась Маше на свою тяжелую, несчастную жизнь. А утром уезжала. Маша удивлялась, как Тимур ее терпит.

Новиков однажды тоже приехал. Сергея в тот момент не было дома. Тимур сказал, что ищет Ритку, надеялся найти ее у Стихаревых. Потом попросил совета. Маша сказала, что она плохой советчик в таких делах и они должны сами решать, как жить дальше.

– Как ни странно, но я люблю ее, – вздохнул Тимур и уехал.

Тем же вечером он сделал Рите официальное предложение. Та поломалась немного для вида, а ночью согласилась. К тому времени дела в фирме Сергея и Тимура наладились. Так что Коваленко, ставшая Новиковой, о своем выборе не жалела.

И вот теперь она сидела в домашней мастерской Маши и рассуждала о жизни...

– Мне уже двадцать семь. Страшно подумать! Тимур говорит: «Давай детей заведем». Я в принципе не против. Даже морально готова к беременности и к родам. Но как представлю, что будет потом... Придется дома сидеть: ни пойти куда-то, ни уехать. Все, кончилась жизнь! А мне только двадцать восемь. Страшно подумать!

– Заводят кошку или собаку, – возразила Маша. – А появится ребенок – ближе человека на свете у тебя не будет. Ты станешь жить для него, заботиться о нем.

– И потом, фигура может испортиться, – не слушала ее Ритка. – Сколько труда надо будет вложить, чтобы восстановиться... Вот тебе повезло – в восемнадцать родила и такой же, как была, осталась. Сколько ты сейчас весишь?

Маша ничего не ответила. Она вспомнила о сыне, вышла из мастерской, пересекла гостиную, подошла к распахнутому окну и выглянула во двор. Славик мчался по дорожке через двор на роликах, как будто летел. Люди оборачивались ему вслед и улыбались, видя чужое счастье. Славик поднял голову, увидел маму и помахал ей рукой. Маша хотела крикнуть ему, чтобы не гонял так, но не стала.

Она вернулась к Ритке, которая стояла перед зеркалом и рассматривала свою фигуру, отыскивая недостатки. Недостатков не обнаружила и осталась довольной.

– В прошлом году, когда в Хорватии отдыхали, на меня один мужик запал, – сообщила Рита. – На нашем этаже проживал. На вид ему за сорок, такая благородная проседь, фигура хорошая. Англичанин, кажется. Как меня видел, аж замирал... Но со мной всегда был рядом Тимур, так что ничего тому англичанину не обломилось.

Маша не любила разговоров на подобную тему и спросила:

– Не знаешь, о чем наши мужья беседуют?

Рита пожала плечами, демонстрируя свое равнодушие к делам Тимура. Но все-таки не выдержала и пояснила:

– Новиков хочет договориться о выкупе части акций. А то получается, что работают вместе, ответственность одинаковая, а у твоего Сергея две трети акций, у Тимура же всего одна.

– Тимур ведь вообще не хотел быть акционером, – напомнила Маша. – Сергей буквально навязал ему пакет акций и даже внес за него долю в уставной капитал.

– Это потому, что Тимур меня не слушал. Я ему и тогда говорила, что не надо ничего бояться...

Маша не дала подруге договорить, поспешила успокоить ее:

– Думаю, Сергей не станет упираться. Так что не волнуйся, все будет, как ты хочешь.

Она снова вышла из комнаты – что-то мешало ей спокойно общаться с Ритой. Непонятная тревога вдруг сдавила грудь, и Маша не могла понять, почему это случилось во время разговора о вещах, далеких от нее. В гостиной она увидела Сергея и Тимура, подходящих к окну, чтобы посмотреть во двор, и подбежала к ним. Выглянула вниз, увидела толпу. Люди стояли так плотно, что разглядеть что-либо было невозможно. Но Маша не стала вглядываться – сразу бросилась вон из квартиры.

Лифт стоял на этаже. Она не стала никого дожидаться и нажала кнопку. Кабина начала спускаться, и только сейчас Маша заметила, что выскочила из дома в тапочках.

Она врзалась в толпу и пробилась через нее. Славик лежал на спине, и лицо его было серым. Одна нога в роликовом коньке мелко тряслась. Она опустилась рядом с сыном на колени, коснулась его плеча. Прошептала, понимая, что спрашивает что-то не самое главное:

– Славик, что случилось?

Она погладила его ножку, но та тряслась так, словно через Славика проходил ток.

– Машина во двор влетела, – прозвучал чей-то голос, – мальчик увидел и посторонился. Но автомобиль все равно его задел.

Маша, склонившись над сыном, смотрела в его лицо, но Славик не видел ее. Она хотела приподнять его голову, коснулась волос и тут же отдернула руку. Вся ладонь была в густой крови.

Подбежал Сергей, а за ним Тимур.

Сергей опустился рядом и попытался взять Славика на руки.

– Не надо этого делать! – остановил его чей-то голос. – Могут быть внутренние повреждения.

Сергей обернулся на говорившего мужчину.

– Я вам как врач говорю, – сказал тот.

– Если вы врач, то почему стоите? – закричал Сергей.

Подбежала плачущая Ритка с автомобильной аптечкой в руках.

Тимур стал хватать людей за руки.

– Кто свидетель? – спрашивал он. – Кто что видел? Какая была машина?

– Красная, – откликнулась пожилая женщина, – без крыши. Номер «001». Буквы я не запомнила.

– Кабриолет, – добавил какой мужчина. – Марку я не знаю, но там сзади эмблема в виде трезубца. А в «Скорую» я сразу позвонил. Сейчас подъедут.

Маша гладила руку Славика и что-то говорила ему, не слыша своего голоса. И Славик, вероятно, тоже ее не слышал. И все же он посмотрел на маму и прошептал:

– Мне очень больно.

Маша наклонилась и осторожно коснулась губами его щеки.

– Потерпи, родной, скоро доктор приедет, и больно не будет.

Почти сразу после ее слов толпа расступилась, появился врач, за ним санитар несли носилки.

Сергей поднялся, а Маша так и осталась стоять на коленях рядом со Славиком.

– Отойдите в сторону, – сказал ей врач.

Но Маша не понимала, что он говорит.

Врач попытался ее поднять, но Маша сопротивлялась.

– Вы, наверное, мать? – произнес доктор в самое ее ухо. – Пойдите пока в сторонку, не мешайте нам делать свое дело.

Стихарев помог жене подняться. Маша прижала ладони к ушам, чтобы не слышать, что говорит доктор санитару, чтобы не слышать, как гудит толпа любопытных. Врач посмотрел на санитару, покачал головой, открыл свой саквояж и достал шприц.

Сергей прижал лицо Маши к своей груди, и она услышала, как колотится сердце мужа.

– Отойдите, – сказал врач. И тут же заорал: – Все отойдите!

Люди стали пятиться, но сзади напирали другие. Маша отстранилась от груди Сергея, посмотрела на Славика и увидела вокруг его головы большое алое пятно. Остановившимися глазами ее сын смотрел в небо, где беззвучно завис прозрачный голубой мотылек.

Машину и ее владельца установили быстро. Кабриолет «Мазерати» в городе был зарегистрирован в единственном экземпляре. Принадлежал он студенту Артему Кущенко, девятнадцати лет. Автомобиль нашли брошенным в одном из близлежащих дворов. Студент сообщил милиции, что его «Мазерати» был угнан. Но свидетели узнали в Кущенко человека, сидевшего за рулем кабриолета в момент наезда на ребенка.

Сергей был в полиции, когда проводилось опознание Кущенко. Он не хотел видеть убийцу своего сына, не хотел общаться с ним. Но тот подошел сам. Рядом с парнем был адвокат, а за спиной его стояли двое телохранителей – отец Артема оказался крупным бизнесменом.

Студент подошел, не пытаясь даже изобразить сочувствие или раскаяние по поводу произошедшего.

– Ты, что ли, отец? – обратился он к Сергею. И, даже не став дожидаться ответа, продолжил: – Слушай сюда. На меня вы это не повесите. Я никого не давил. А если будет суд, то ты сильно пожалеешь. Суд ничего не докажет, а ты будешь жалеть всю жизнь, что связался со мной.

– Подонок! – бросил ему в лицо Стихарев.

Сергей развернулся, желая уйти, и услышал за спиной, как парень сказал кому-то:

– Вы его рожу запомнили? Разберитесь с этим уродом.

Организацией похорон занимался Сергей. Ему помогал Тимур Новиков, который ни в какую Испанию не полетел. Рита постоянно находилась рядом с Машей и плакала. Маше от ее слез было еще тяжелее. Мама, которая примчалась сразу, как только получила печальное известие, гнала Риту, но та уезжать не хотела. По вечерам ее забирал Тимур, а ранним утром она появлялась снова.

Мама давала Маше успокоительные таблетки, которые только путали мысли в ее голове и отбирали последние силы. Так прошли первые два дня жизни без Славика. Утром третьего она спросила:

– Что с отцом?

В очередной раз мама повторила ложь, мол, что тот простудился и приедет, когда поправится.

– У него инфаркт? – догадалась Маша.

Мама помолчала и кивнула.

– Езжай к нему, – посоветовала Маша и стала подниматься с постели. – Это уже второй, так что лучше тебе быть рядом с папой. А я абсолютно здорова. Ничего, я справлюсь. Ритка поможет в случае чего.

Мама уехала. А Маша взяла себя в руки и даже наорала на подругу, которая плакала, не переставая. После чего позвонила Сергею, сообщила ему, что с ней все в порядке, и попросила вернуться домой пораньше.

Сергей второй день пытался найти адвоката, который смог бы представлять их интересы в суде. Но все отказывались, когда узнавали, против кого им предстоит бороться. Большинство отказывались, даже не объясняя причин отказа. Или ссылались на занятость. Некоторые оказались честнее и говорили, что если возьмутся за это дело, то в лучшем случае могут лишиться

лицензии, а в худшем... Про худшее никто не договаривал, считая, видно, что собеседник все и сам понимает. К тому же все адвокаты уверяли: суд выиграть нельзя – у Куценко-старшего покровители на самом высоком уровне, и просто удивительно, что в полиции не отказали в возбуждении уголовного дела.

И все же Стихарев нашел адвоката, который взялся за его дело. Правда, и гонорар за свои услуги он запросил не маленький. Сергей пообещал ему заплатить вдвое больше, если молодой подонок получит реальный срок, а не условный. Об этом Сергей сообщил жене по телефону. Маша попросила привести адвоката к ним домой для беседы.

Ритку ей удалось выгнать, чтобы не путалась под ногами. Она вошла в комнату сына, опустилась на его кровать и огляделась. Все здесь, казалось, говорило о том, что Славик вышел ненадолго и вот-вот вернется. На столе в беспорядке лежали учебники, компьютер был включен, на мониторе застыла шахматная игра, на спинке стула косо висела домашняя маечка с отпечатанным на ней рисунком Маши – веселый песик с ежиком сидят в обнимку и смотрят на летающего над ними мотылька.

Маша поднялась, отключила компьютер, взяла маечку сына, прижала ее к глазам, полным слез, и тихо завывала.

Адвокат оказался низеньким седым человеком.

– Сочувствую вашему горю, – сказал он Маше. – Сразу хочу предупредить, что шансов выиграть дело немного. Но они есть. Во-первых, Артем Куценко все же дал признательные показания. Причем, не зная, как видно, правил дорожного движения, заявил, что двигался с разрешенной скоростью, а именно – не более шестидесяти километров в час. Странно, что присутствовавший при этом адвокат не поправил его: ведь наезд произошел на территории двора, где скорость не должна превышать двадцати километров в час. Кроме того, Куценко сказал, что тормозил, но сотрудники ГИБДД не указали на схеме следов торможения и длину тормозного пути. Еще Куценко заявил, что ребенок ехал навстречу и сам упал под колеса, однако по характеру нанесенных увечий видно, что автомобиль ударил вашего сына сзади...

Сергей посмотрел на жену и попросил адвоката:

– Без подробностей, пожалуйста.

Адвокат кивнул.

– Далее. Артем Куценко отказался от медицинского освидетельствования, что в суде однозначно будет использовано против него. Я не знаю, был ли он пьян в момент наезда, но мне известно точно, что парень употребляет наркотики. У меня есть годичной давности копии протоколов его задержания и осмотра. При нем был обнаружен шприц с героином, а на теле имелись следы инъекций. Тогда же был сделан анализ мочи, который показал, что Куценко употребляет наркотики. Но дело не было возбуждено. Оригиналы этих документов наверняка уже уничтожены, но мой приятель из управления, где занимаются расследованием незаконного оборота наркотиков, сделал копии и передал их мне. Артему принадлежит ночной клуб «Рыжая кобыла». Клуб дорогой и популярный среди определенной части молодежи. В клубе едва ли не в открытую идет торговля амфетаминами и более сильными наркотиками. Проститутки можно заказать за стойкой бара, обратившись к бармену или любому сотруднику клуба...

– Нас это не интересует, – обронила Маша.

– Это просто факты, характеризующие ответчика, – пояснил адвокат. – Я хочу довести до вас то, на чем собираюсь выстраивать защиту.

– То, что он подонок, мы знаем, – вздохнула Маша, – но Славика не вернуть. Мы хотим, чтобы преступник был наказан. Главное – чтобы он сел в тюрьму, где бы мог задуматься над тем, как жил, и смог исправиться.

Адвокат печально улыбнулся, но промолчал.

– У нас есть шансы выиграть дело? – спросил Сергей.

– Есть, – ответил адвокат. – Но сразу скажу: даже если Куценко признают виновным, вряд ли он получит больше трех лет колонии-поселения. Будь парень не Артем Куценко, а обычный человек, я бы добился максимального наказания. А в нашем случае, повторяю, максимум – три года. Причем наверняка он и их там не пробудет, его выпустят досрочно. К тому же не в бараке с другими заключенными будет жить, а в собственном доме в каком-нибудь поселке. Трудиться ему не придется, потому что юноша будет все время считаться больным. При этом к нему станут приезжать друзья и подружки...

– Вы серьезно? – не поверил своим ушам Стихарев.

– Более чем, – вздохнул адвокат. – Люди с деньгами если и получают срок, то отбывают его в не очень комфортных для них условиях, но таких, которые показались бы райскими для большинства населения страны. К тому же статья 264, по которой Куценко может быть осужден, весьма мягкая. Приведу несколько примеров. Во Владимире алкоголик, лишенный прав, неоднократно задерживавшийся после этого за управление автомобилем в пьяном виде, насмерть сбил олимпийского чемпиона и тренера сборной страны по биатлону. Он не остановился и поехал дальше в магазин, где и был задержан с очередной бутылкой водки в руках. А в его организме, как определила экспертиза, уже было две промилле! Мужчина получил пять лет колонии-поселения. Погиб заслуженный человек, осталась вдовой жена, осиротел маленький ребенок, пострадала наша сборная, вся страна, а необразованный, пьющий и не желающий работать дегенерат выйдет и снова будет давить людей... В Петербурге гражданин Финляндии, в пьяном виде сев за руль фуры, ночью проехал перекресток на красный свет и буквально раздавил «жигуленок», в котором находилось пять человек, в том числе заслуженный мастер спорта Владимир Балыбердин – первый русский, взойшедший на Эверест и установивший там флаг СССР. Пьяного финского шофера задержали, осудили на пять лет, но по просьбе правительства Финляндии отправили отбывать наказание на родину, потому что, по мнению того же правительства, у нас очень плохие тюрьмы. По прибытии в родной город он был отпущен под обязательство не пить больше. Только, насколько мне известно, мужчина не просыхает до сих пор и с гордостью рассказывает собутыльникам, кого задавил в России... Были случаи, когда член правления нефтяной компании выехал на встречу и врезался в автомобиль, в котором погибли две женщины... когда жена министра...

– Зачем вы нам это все рассказываете? – спросил Сергей. – Я не хуже вас знаю, во что чиновники превратили нашу страну. Они давят нас на дорогах, берут взятки не только за свою подпись, но и за возможность просто пообщаться с ними. Вы хотите сказать, что и в нашем случае будет использован административный ресурс?

Адвокат помолчал. А потом тихо продолжил:

– Я двадцать пять лет отпахал следователем. Куценко-старшего помню с тех пор, когда тот держал бригаду наперсточников на рынке. Он бомбил ларечников, дважды его брали с поличным, и оба раза задержанный мочился от страха при задержании. Но до суда дело не доходило – пострадавшие отзывали иск. Потом Куценко-старший крышевал фирмы, которые в конце концов становились его собственностью. Однажды он наехал на фирму, снабжавшую мазутом промышленные предприятия, не имеющие возможности рассчитываться в срок. Но руководитель той фирмы придумал сложную систему зачетов, благодаря которой заводы не только выжили, сохранили свой трудовой коллектив, но и поднялись. Куценко ввалился к нему и потребовал долю. Получил отказ и стал угрожать, мол, мужчина должен подумать о жене и дочери. Предприниматель просто начистил рожу ему и его охраннику. А потом пришел ко мне и написал заявление. Но через день был расстрелян в машине вместе с семьей. Я пытался возбудить дело, однако управление собственной безопасности тут же начало проверку моей работы. Это было пятнадцать лет назад. С тех пор Куценко взлетел еще выше. Теперь он входит в ближний круг губернатора, обеспечивает все его семейные праздники – поставляет на них звезд эстрады из Москвы... Если я сейчас взялся за ваше дело, значит, верю

в успех. Да, я попросил очень высокий гонорар, но, поверьте, деньги нужны мне лишь для того, чтобы выкупить некоторые материалы, касающиеся его сына. Артем давно занимается восточными единоборствами и, еще учась в школе, решил отрабатывать удары на людях. Сначала избил одноклассника, причем ни за что, просто тот хорошо учился и не боялся его, – в школьном коридоре подошел и ударил ногой в челюсть, а потом добивал его, уже лежащего... Врачи спасли мальчика. Дело не было возбуждено: пострадавший сказал, что упал с лестницы. А на самом деле парнишке приказали так заявить, угрожая что-то сделать с его мамой. Потом был убит бомж, попросивший у Артема возле магазина денег на пиво. Одноклассница, которая нравилась этому уроду, отказала ему – и была изнасилована неизвестными в собственном дворе. У девочки были рыжие волосы, и, вероятно, поэтому Куценко-младший назвал подаренный ему отцом ночной клуб «Рыжая кобыла»... Сейчас Артем учится в Академии госслужбы, папа готовит его в новые губернаторы, а может быть, в президенты. У Алексея Филипповича Куценко большие планы в отношении сына, и бизнесмен пойдет на все, лишь бы карьеру его отпрыска не подпортила судимость.

– Нам надо, чтобы он понес наказание за совершенное преступление, – тихо произнесла Маша.

– Я тоже мечтаю об этом, – кивнул адвокат.

В день, когда хоронили Славика, погода испортилась. И все равно народу собралось много. Пришли знакомые, сотрудники фирмы Сергея, школьные учителя Славика и одноклассники с родителями. Дети стояли испуганные и старались не смотреть на маленький гроб. Хлестал ливень, сбивая с кладбищенских кленов листья, потоки воды стекали в могильную яму, увлекая за собой размытую землю. Священник читал молитвы, но слов не было слышно из-за шума дождя.

Маша смотрела прямо перед собой и молила бога наказать убийцу. А когда кладбищенские рабочие стали опускать гроб в могилу, вдруг подумала, что, вероятно, они поспешили, вполне возможно, что Славик еще жив, и закричала, пытаясь остановить рабочих. Муж прижал ее к себе, и она забилась у него на груди, как пойманная птица.

Потом все медленно брели с кладбища. Сергей и Тимур поддерживали Машу под руки. Но перед тем, как ее посадили в машину, к Сергею подошел какой-то мужчина и отвел его в сторону. Незнакомец начал что-то говорить, а Маша никак не могла понять, о чем муж может сейчас с кем-то беседовать. Но разговор длился недолго. Сергей вдруг схватил мужчину за горло и, встряхнув, оторвал от земли. Потом, видимо, опомнился – и отбросил его в сторону. Незнакомец упал в лужу. Попытался подняться и снова упал, задыхаясь. К нему подошли какие-то парни и помогли встать.

Стихарев вернулся в машину и сел рядом с женой.

– Кто это был? – спросила Маша.

– Да так... – глядел в сторону Сергей.

– Кто? – настойчиво повторила она вопрос.

– Один негодяй.

– И что хотел?

Сергей обнял жену и поцеловал.

– Что? – не унималась Маша.

– Он предложил деньги от Куценко, если мы отзовем иск.

– Никогда, – произнесла Маша твердо.

– Я так и сказал.

Судебное заседание было назначено на конец декабря. Маша ждала его, надеясь на торжество справедливости, с сожалением понимая, что убийца ее сына много не получит. Адвокат

сказал, что три года колонии-поселения – просто предел мечтаний. Пусть так. Зато Артем со своим отцом узнают, что не все на свете можно купить. Она ждала суда и торопила время. А дни тянулись, как назло, медленно. В ее жизни ничего не происходило. Маша сидела дома и не могла ничем занять себя.

Сергей пропадал на работе, но дела у него пошатнулись. В конце ноября правительство города отозвало свою подпись, поставленную вице-губернатором под договором с его фирмой на проектирование застройки северной части города. Причем подпись была отозвана без объяснения причин. Когда же Сергей поехал в комитет по градостроительству за объяснениями, его принял какой-то мелкий клерк, который заявил, что никто ничего объяснять ему не собирается. А если господин Стихарев заявляет, что понес какие-то убытки, то пусть обращается в арбитражный суд с иском, в принятии которого, однако, ему наверняка будет отказано. У правительства города имеются свои причины не выполнять условия договора: во-первых, бюджетные средства, выделенные на проект, секвестрированы, во-вторых, чиновник, поставивший свою подпись, перешел на другую работу, а в-третьих, с фирмой Стихарева городское правительство впредь не будет иметь никаких дел, потому что, потому...

Маша едва дождалась назначенного дня слушания дела. Они с мужем приехали к зданию районного суда, а там их встретил адвокат и сообщил, что заседание перенесли из-за болезни судьи. Почему их не уведомили об этом – непонятно, но сторона ответчика о внезапном недомогании судьи, как видно, знала, так как ни Артем, ни его адвокаты не явились.

На следующий день в офис фирмы Сергея нагрянула с проверкой налоговая инспекция. В этом не было бы ничего странного, если бы менее полугода назад та же самая инспекция уже не присылала своих инспекторов, которые не вскрыли ни одного факта нарушения налогового законодательства. Правда, тогда инспекторов было двое, а теперь в офис пришли шесть человек, каждый из которых должен был заниматься конкретным делом: один просматривал хозяйственные договоры, другой снимал копии с банковских документов, третий проверял авансовые отчеты по командировкам сотрудников, четвертый обследовал стеллажи в кабинете генерального директора в поисках скрытых сейфов, пятый допрашивал работников, требуя сказать правду о суммах, получаемых ими в конвертах... Но всем работы не хватило, потому шестой из инспекторов расположился за секретарской стойкой и раскладывал на компьютере пасьянс «паук». Проверка длилась до самого Нового года.

Маша не собиралась отмечать наступление нового года, но из Рыбинска приехала свекровь. Не было ни елки, ни салата оливье, и за стол сели не для того, чтобы поесть или выпить шампанского, а просто поговорить. Телевизор не включали, чтобы не сойти с ума от чужого веселья. Окна были занавешены, но все равно сквозь плотные шторы пробивались вспышки и доносились хлопки праздничных петард.

Втроем сидели за столом, и разговор был странный. Маша не понимала, о чем говорит свекровь, к чему расписывает, как хорошо ей живется в Рыбинске, какие там замечательные люди и как красива Волга даже зимой. О Славике Елизавета Петровна не вспоминала, словно и не было никогда у нее внука. Сразу после полуночи позвонили Новиковы и осторожно пожелали в наступившем году исполнения всего намеченного. Потом был звонок от мамы, которая не смогла приехать, потому что не хотела оставлять отца одного. После операции на сердце отец с трудом передвигался, но все порывался подняться с постели, чтобы заняться каким-нибудь делом. Мама пожелала, чтобы у Сережи и Маши ничего плохого в жизни больше не случилось.

Маша вернулась к столу, и Сергей сказал ей:

– Может, ты и в самом деле поживешь какое-то время в Рыбинске?

Вот, оказывается, к чему были рассказы...

Но Маша ответила:

– Нет.

А чтобы Елизавета Петровна не обиделась, добавила:

– Потом приеду обязательно. После суда.

И пошла в комнату Славика.

Суд перенесли еще раз – теперь уже из-за болезни адвоката обвиняемого. И снова пострадавших не уведомили заранее. Они вышли из здания и остановились у автомобиля. Сергей открыл дверь, но садиться в машину не стал. Посмотрел на адвоката, вдохнул морозного воздуха – так, словно устал после долгого бега – и попросил у адвоката сигарету. Неумело затянулся, спросил:

– Долго они тянуть будут?

– Я думаю, это последний перенос. Скорее всего, они обрабатывают свидетелей, и пока у них не получается. Свидетели потерпевшей стороны заверили меня, что дадут правдивые показания.

– А вдруг в следующий раз наши свидетели не явятся, потому что им надоест бесконечное хождение в суд и обратно? У всех работа, а ведь каждый раз отпрашиваться надо...

Адвокат покачал головой.

Стихарев, отбросив сигарету в сторону, сказал:

– Мы им все компенсируем.

Потом отошел от адвоката, поднял лежащую на сугробе сигарету и кинул ее в урну.

Суд состоялся через месяц.

Накануне позвонил адвокат и сообщил, что никто не заболел, заседание состоится в любом случае. Свидетели уже предупреждены. Начало в десять, но он придет на полчаса раньше и будет ждать их.

Сергей и Маша тоже приехали пораньше. Адвоката не было. Они вышли на улицу и стали ожидать его на крыльце.

Около десяти подъехал красный автомобиль, тот самый, который убил их сына. Теперь он был с поднятым верхом. Перед «Мазерати» остановился черный внедорожник, а позади еще один, точно такой же. Из внедорожников стали выходить люди. Зачем они приехали вместе с подсудимым, Маша понять не могла. Потом догадалась, что это, вероятно, адвокаты Артема Кущенко и купленные свидетели. Из «Мазерати» гремела на всю улицу музыка. Прохожие оглядывались на роскошный автомобиль, а некоторые останавливались, чтобы разглядеть его получше.

– Пойдем, – сказал Сергей, беря жену под руку, – не хочу смотреть на этого подонка.

Супруги поднялись к залу заседания. Адвоката все не было. Сергей звонил ему на мобильный и на домашний номер, но никто не снимал трубку. Подошла женщина, заявленная как свидетель пострадавшей стороны. Маша кивнула ей, и женщина, растерявшись, ответила коротким кивком. Должны были подойти еще трое.

Дверь зала открылась, на пороге появилась девушка, секретарь суда.

– Пострадавшие явились? – спросила она.

– Мы здесь, – ответил Стихарев.

– Тогда прошу всех, кроме свидетелей, пройти в зал.

Только сейчас Маша заметила, что на девушке нет юбки – секретарь суда была в длинном свитере и черных лосинах с блеском. Сергей и Маша подошли к ее столу, чтобы отметили их присутствие. Тут же к ним подошел судья и поинтересовался, почему отсутствует адвокат.

– Сейчас подойдет, – ответил Сергей.

– Не возражаете, если начнем без него? – спросил судья. – Или подождем немного?

– Подождем, – ответила Маша.

Судья согласился, однако предупредил:

– Но не больше пятнадцати минут.

Судья приблизился к прокурору и, превратившись в знак вопроса, что-то шепнул ему. Прокурор посмотрел на наручные часы и кивнул. На пальце у него был крупный золотой перстень-печатка. Маша вдруг почувствовала, что реальность ускользает куда-то: секретарь суда без юбки, в свитерочке, едва прикрывающем зад, прокурор с золотым перстнем, судья Солодкин похож на услужливого официанта, зал заполнили незнакомые люди, непонятно зачем явившиеся сюда...

В зале было натоплено и душно. Большинство присутствующих сняли верхнюю одежду, словно готовились к долгому и увлекательному зрелищу. Вокруг места, где должен находиться подсудимый, не было ни решетки, ни стеклянной перегородки, за которыми обычно сидят обвиняемые, как это показывают в фильмах. Имелся лишь небольшой деревянный барьерчик, из-за которого выглядывала спинка офисного стула.

– Потерпевшие! – крикнул судья. – Ну, где ваш адвокат? Пятнадцать минут истекли. Мы начинаем или нет?

Сергей посмотрел на Машу, и та кивнула. Ей хотелось, чтобы все кончилось как можно скорее, чтобы убийцу ее сына увели из этого зала в наручниках. Но вдруг она вспомнила: Артем Кущенко приехал на судебное заседание в своем автомобиле – значит, уверен в том, что и вернется на нем домой.

– Я могу принимать участие в процессе? – спросил Сергей у судьи.

– Вы и так принимаете в нем участие, – ответил тот.

– Я могу задавать вопросы свидетелям и адвокату защиты?

Судья посмотрел на прокурора, а тот снова глянул на свои часы. Часы у прокурора тоже были золотые.

– Можете, – неуверенно произнес судья, – но только по существу дела.

Маша обернулась и увидела, как за перегородкой опускается на стул Артем Кущенко. Парень жевал резинку. А увидев, что она на него смотрит, подмигнул ей.

«Сейчас ты получишь...» – подумала Маша, сжимая кулаки.

Судья зачитывал материалы дела. И Маша снова не понимала, что происходит. Посмотрела на мужа, но Сергей был спокоен, хотя и напряжен.

– ...Следствием установлено, что произошло касание передним бампером автомобиля «Мазерати» несовершеннолетнего Стихарева Станислава Сергеевича в область задней поверхности левого бедра, в результате которого произошло падение вышеупомянутого несовершеннолетнего Стихарева С.С. на асфальтовое покрытие. В результате падения несовершеннолетнего Стихарева им была получена открытая черепно-мозговая травма в области затылочной части головы, несовместимая с жизнью, вследствие чего несовершеннолетний Стихарев скончался, не приходя в сознание, приблизительно через пятнадцать минут...

Маша сильно сжала веки, чтобы удержать слезы, переполнившие ее глаза. И снова увидела лежащего на земле Славика, услышала его последние слова.

Начался опрос свидетелей. Первым давал показания инспектор ГИБДД, прибывший на место происшествия. Инспектор подробно рассказал о состоянии дорожного покрытия, о расстоянии до стены ближайшего дома, о том, что наезд произошел в условиях ограниченной видимости и у обвиняемого не было возможности вовремя затормозить, хотя он двигался с разрешенной скоростью.

– С какой скоростью двигался автомобиль «Мазерати»? – спросил Сергей.

– Не более двадцати километров, – поспешил ответить за свидетеля адвокат Артема Кущенко. – В материалах дела это зафиксировано, и если бы вы ознакомились с ними...

– Я не к вам обращаюсь, – оборвал его Сергей. И повернулся к инспектору: – Ответьте на мой вопрос. И не забывайте, что вы говорите под присягой.

– Возражаю! – выкрикнул адвокат обвиняемого, вскакивая со стула. – Это давление на свидетеля.

– Потерпевший, – обратился к Стихареву судья, – предупреждаю: в судебном заседании только я могу напоминать кому-то о его обязанностях.

– Простите, больше не повторится, – произнес Сергей. – Свидетель является сотрудником полиции, а потому я не сомневаюсь в его честности.

– Заявляю протест! – снова закричал адвокат. – Это прямое оскорбление свидетеля. Оскорбление его человеческого достоинства и служебного.

Судья Солодкин задумался.

А Сергей повернулся к адвокату обвиняемого.

– В судебном заседании судья сам решает подобные вопросы.

– Да, – сказал Солодкин и опять задумался. А после паузы обронил: – Протест отклоняется.

Судья посмотрел на прокурора. А прокурор глянул за окно.

Инспектор помялся и признался:

– О скорости мне известно со слов свидетелей.

– У свидетелей были приборы, определяющие скорость автомобиля?

Свидетель пожал плечами.

– Не знаю.

– Какова была длина тормозного пути?

– Следов торможения на асфальте не было. Дело в том, что мальчик выскочил под колеса неожиданно.

Свидетель посмотрел на Машу и отвернулся. А Сергей задал новый вопрос:

– Что такое «условия ограниченной видимости», о которых вы упомянули?

– Мальчик выскочил из-за высоких кустов. Он разогнался, не увидел спортивный автомобиль и попал под колеса. Такое бывает. Вины водителя нет никакой.

– Покажите на схеме кусты, – попросил Сергей.

Инспектор подошел к схеме и начал ее изучать.

– Нету кустов, – признался он. – Их, вероятно, забыли нарисовать.

– На месте происшествия вы составляли схему?

– Я, – признался инспектор. И опомнился: – Мы ее вдвоем чертили, с напарником.

– И вдвоем забыли нарисовать кусты?

– Забыли.

– Так вот, кустов там отродясь не было: ни высоких, ни низких. Там только газон с подстриженной травой. Земля мягкая, и разогнаться на ней на роликах невозможно.

– Ну, это... – протянул инспектор и растерянно посмотрел на адвоката обвиняемого.

– Вопросов больше нет, – сказал Сергей.

У адвоката обвиняемого вопросов тоже не было. Зато он попросил зачитать характеристику на Куценко Артема Алексеевича, выданную по месту его учебы.

Судья разрешил. Адвокат достал какие-то листы и выпрямился. Маше показалось, что он сейчас начнет декламировать стихи. Но адвокат не успел даже рта открыть. В зал заседания вошел полицейский в форме и направился к столу судьи. Приблизившись, наклонился над столешницей и что-то сказал Солодкину. Адвокат Артема Куценко смотрел на вошедшего офицера, как на человека, помешавшего ему сделать какое-то открытие, важное для прогресса всего человечества.

Судья кивнул полицейскому.

– Спасибо, можете быть свободны.

Обвиняемый, услышав его слова, засмеялся.

Судья дождался, пока за офицером полиции закроется дверь, и посмотрел на Сергея. Затем произнес, обращаясь ко всем присутствующим:

– Только что мне сообщили, что адвокат потерпевшей стороны Иванов не сможет принять участие в сегодняшнем заседании. Вчера вечером в его квартиру проникли злоумышленники с целью ограбления. Иванов получил несколько ударов ножом и сейчас находится в реанимации. Мать его, к сожалению, погибла. Из квартиры похищены ценные вещи...

Маша вскочила и бросилась вон из зала. Полицейского она догнала уже на улице, когда тот садился в дежурный «уазик».

– В какой больнице адвокат? – спросила она.

Офицер спешил. Он уже открыл дверцу машины и через плечо поинтересовался:

– А зачем вам знать?

Маша стала сбивчиво объяснять, что ждала адвоката в суде, где тот должен был представлять ее интересы, но, узнав о беде, с ним случившейся, хочет навестить мужчину в больнице, поддержать.

Полицейский взял с сиденья лежавшую на нем бутылку пива, но не знал, куда ее деть. И сунул в карман куртки.

– Вы сами видите, какая нынче криминогенная ситуация... – вздохнул он.

Маша вернулась в зал судебного заседания и заняла свое место.

– Узнала, в какую больницу доставили адвоката, – шепнула она мужу.

В этот момент давала показания женщина с пышной прической.

– Артем Кущенко учился в нашей школе, я была его классным руководителем. Также являюсь заведующей учебной частью. За годы обучения Артем проявил себя только с положительной стороны. Его отец являлся спонсором школы, он и сейчас нам помогает. Юноша хорошо учился, был хорошим товарищем, побеждал в городских спортивных соревнованиях... Так получилось, что в тот роковой день я случайно оказалась во дворе дома по адресу...

Свидетельница развернула листок, который держала в руке.

– Мы знаем адрес, – остановил ее Сергей. – Лучше сообщите, насколько далеко вы находились от места происшествия?

– Я находилась на расстоянии, но все видела хорошо, несмотря на ограниченные условия видимости, о которых упомянул товарищ из ГИБДД.

– Какая погода стояла в тот октябрьский день?

– Погода была типичной осенней. Небольшой... как бы вам сказать, туман... Видимость была ограничена, потому что лил дождь...

– Ты че, Тортила! – крикнул вдруг обвиняемый. – Солнце светило!

Свидетельница улыбнулась и поправила прическу.

– Действительно, дождь был с утра, а потом выглянуло солнышко. Вот и началось испарение влаги в виде тумана, который ухудшил видимость. А мальчик сам бросился под машину. Может, конечно, он споткнулся, не знаю...

Свидетельница замолчала.

– Вопросы к свидетелю есть? – спросил судья.

Сергей кивнул и подошел к представительнице народного образования.

– Во что был одет мой сын?

Свидетельница обернулась и посмотрела на адвоката обвиняемого. Но тот не мог подсказать того, чего не знал сам.

– Я, конечно, понимаю ваше горе, сама мать... – залопотала классная руководительница Артема Кущенко.

Женщина явно тянула время. Наконец, догадалась, как следует ответить.

– Мальчик был одет в обычную детскую одежду...

Учительница прищурилась, словно припоминая что-то. И как будто вспомнила:

- Он на роликах катался.
- Может, на ребенке был спортивный костюм?
- Конечно! – уверенно заявила свидетельница. – Именно костюмчик. Красивый такой.
- Я рад, что вы это заметили, – произнес Сергей. – А какого цвета был красивый костюмчик?
- Обычного цвета, синего или красного. Я сейчас не помню точно.
- Славик был в джинсах и беленькой майке, – усмехнулся Стихарев.
- Точно! – обрадовалась учительница. – Именно в джинсиках и беленькой маечке. Красивеньких таких.
- Я пошутил, – покачал головой Сергей, – на Славике были зеленые камуфляжные брюки и черный свитер.
- Свидетельница всплеснула руками и покачала головой.
- Как вам не стыдно! – возмутилась она. – На вид серьезный человек, а неправду говорите. В какой школе вы учились?
- Да уж не в вашей, – снова усмехнулся Сергей. И посмотрел на секретаря суда: – Вы все ответы свидетеля занесли в протокол?
- Все, – ответила девушка без юбки.
- Хорошо, – кивнул Сергей. Затем произнес, как бы ни к кому не обращаясь: – Господам адвокатам противной стороны хотелось бы пожелать лучше работать со свидетелями. А то может возникнуть вопрос, что делала завуч школы во дворе дома, адреса которого она не знает, во время рабочего дня, когда по расписанию у нее был урок обществознания в пятом «В». Причем замечу: замещать ее по данному предмету некому.
- Так у нас в школе вообще не хватает учителей, – всплеснула руками свидетельница, которая, судя по всему, не поняла, о чем речь, – приходится две ставки совмещать. В пятом классе обществознание, а в девятом биология, приходится бегать с этажа на этаж по лестнице...
- Так вы проводили в это время два урока? – удивился Сергей. – К тому же находясь во дворе дома в часе езды от вашей школы?
- Свидетельница растерялась.
- Что-то вы меня совсем запутали... – произнесла она неуверенно.
- Я о том, что если вы так легко пропускаете уроки, то за что же тогда деньги получаете? – поинтересовался Сергей.
- Какие деньги? – закричала свидетельница. – На что вы намекаете? Да я ни копейки...
- Женщина снова обернулась на адвоката своего бывшего ученика и крикнула:
- Скажите ему, что я не для себя, а для всей школы стараюсь!
- Я верю, не надо кричать, – попытался успокоить учительницу Сергей, – у школы и без того проблем хватает.
- Вот именно, – согласилась свидетельница и поправила прическу.
- Вы тут говорили, что ваш ученик Куценко был хорошим товарищем...
- Ну да, – опять же неуверенно ответила женщина, опасаясь какого-то подвоха. – Артем пользовался уважением соучеников, принимал активное участие в общественной жизни школы, выступал на соревнованиях.
- А Куценко продолжал пользоваться уважением товарищей после того, как избил ногами своего одноклассника Сашу Горелика?
- Лицо свидетельницы покрылось красными пятнами.
- Кого? – переспросила она.
- Но, поскольку Сергей оставил ее вопрос без ответа, задумалась.
- Как вы сказали? Горелик? Саша Горелик?
- Затем уверенно тряхнула пышной прической.
- Не помню такого.

– Как же так? – усмехнулся Стихареv. – Отличник. Мальчик в очках, с врожденным пороком сердца. Он же учился в одном классе с Кущенко, где вы шесть лет были классным руководителем. Кущенко его избил ногами, Саша упал с лестницы, по которой вы обычно бегаете из класса в класс, получил переломы руки и ключицы, а также тяжелое сотрясение мозга. Правда, заканчивал мальчик уже другую школу, потому что вы убедили его маму, что Саше будет лучше уйти...

– Это ложь! – закричала свидетельница. – Меня тут обвиняют черт знает в чем, а сами...

Завуч внезапно замолчала, потому что увидела идущую к ней женщину. Но та не подошла к ней, а остановилась в проходе между креслами.

– Вы же клялись говорить только правду, Тамара Григорьевна, – с упреком сказала она. – Забыли, как умоляли меня забрать заявление из милиции? Как плакали, что вас Кущенко-старший из школы выкинет, если не убьет на месте? Вы же сами признались мне, что сынок его – страшный подонок и садист, весь класс от него стонет...

– Погодите, женщина! – крикнул судья. – Если у вас есть что сказать по существу дела и если вы являетесь заявленным свидетелем, то выступите потом, когда дойдет до вас очередь. Как ваша фамилия?

– Моя фамилия Горелик, – сказала женщина, – я мать Саши.

Судья посмотрел на девушку без юбки:

– Оксана, посмотри список заявленных свидетелей. Если фамилии Горелик там нет...

– Нет, – поспешила ответить секретарь суда.

– Тогда попрошу вас, гражданка, покинуть зал заседания, а то я буду вынужден наложить на вас штраф за неуважение к суду.

Но мама Саши Горелика продолжала смотреть на свидетельницу.

– Я пожалела вас тогда, Тамара Григорьевна, хотя хотела идти до конца. А Артем заявился в больницу к Саше, плюнул ему в стакан с соком и сказал, что продаст его маму азербайджанцам и она сгниет на трассе. Саша не испугался, а я вас послушалась, хотя надо было еще тогда посадить ублюдка.

– Ты че, блин, несешь! – крикнул Артем и попытался перелезть через барьерчик. – Ты, коза старая, за базар ответишь!

Полицейский схватил его за рукав, Кущенко-младший отмахнулся, но вылезать передумал.

– Ну, все, – вмешался судья, – мое терпение лопнуло. Гражданка Горелик, я назначаю вам штраф в размере одной тысячи рублей за неуважение к суду.

Горелик открыла сумочку, вынула из нее кошелек и начала в нем копаться, продолжая говорить:

– А когда ваша ученица сказала вам, что ее домогается Артем, что вы ответили, Тамара Григорьевна? «С тебя не убудет», – сказали вы. Девочку потом изнасиловали во дворе ее собственного дома охранники вашего спонсора. Артем стоял рядом и снимал все это на камеру своего мобильного...

– Не желаю больше ничего слышать! – заорала свидетельница, закрывая ладонями уши, и бросилась к выходу.

– Стойте! – крикнул ей вслед судья. – С вами еще не...

Но школьный завуч выскочила из зала, громко хлопнув дверью.

– Будем считать, что свидетель дал показания, – сказал судья. – Гражданка Горелик, напоминаю, что вы приговорены к штрафу в тысячу рублей и должны покинуть зал судебного заседания.

Мать Саши уже убрала кошелек в сумочку и теперь сжимала в руке тысячную купюру. Услышав слова судьи, она скомкала банкноту и кинула на стол судьи.

– Получите штраф, – сказала женщина и пошла к выходу.

Судья дождался, пока она уйдет, потом ребром ладони разгладил на столешнице тысячную купюру и спрятал ее среди лежащих перед ним листов. После чего обвел взглядом зал.

– Прежде чем продолжить судебное заседание, – заговорил он, – хочу заявить... и попрошу занести это в протокол... о недопустимости подобных действий со стороны потерпевших. Приводят сюда всех кого ни попадя! Вы представляете, что будет, если все пострадавшие от действий гражданина Кущенко сюда явятся? Какое тут столпотворение начнется?

Судья Солодкин с опозданием понял, что проговорился, и растерянно посмотрел на прокурора. А тот снова взглянул на часы.

– У стороны обвинения есть свидетели? – поинтересовался судья.

Прокурор молча покачал головой.

– Тогда будем считать, что судебное следствие закончено, и приступим к прениям сторон.

– Почему же нет свидетелей? – удивился Стихареv. – Они заявлены, и господину прокурору это хорошо известно. Правда, явились не все. Но свидетель Сафонова пришла.

Судья заглянул в лежащий перед ним листок, тут же убрал что-то со стола, спрятав в кармане брюк, и сказал:

– Пригласите в зал судебного заседания свидетельницу Сафонову.

Полицейский, стоящий у двери, выглянул в коридор.

– А я здесь, – поднялась сидевшая в заднем ряду женщина, которая поздоровалась с Машей перед началом заседания.

– Что вы тут делаете? – возмутился Солодкин. – Вы должны находиться вне зала и дожидаться, когда вас позовут!

– Я не знала, – стала оправдываться женщина, – я в суде в первый раз.

– Пройдите на место для дачи показаний, – махнул рукой судья. – Но в следующий раз учтите: за нарушение правил можно заработать штраф.

Свидетельницу попросили представиться, назвать свой адрес и расписаться в журнале, что она предупреждена об ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

– Ну, что вы можете нам сообщить? – спросил судья.

Свидетельница помялась немного и тихо заговорила:

– Я там была... во дворе... Родители Славика могут это подтвердить. Все видела собственными глазами. Как машина сбита мальчика, как он, бедненький, подлетел в воздухе и ударился головкой об асфальт... А этот, в автомобиле, даже не оглянулся, газанул и дальше помчался. У нас в тот день пробка была на улице, вот он, видать, и решил путь сократить, через двор поехал. Летел так, что все шарахались. И Славик тоже. Мальчик посторонился, а он на машине прямо в него...

– То есть, свидетельница, – прервал женщину судья, – вы утверждаете, что своими глазами видели, как автомобиль «Мазерати», за рулем которого находился гражданин Кущенко Артем Алексеевич, сбил несовершеннолетнего Стихарева?

Свидетельница кивнула. Потом вздохнула.

– Я долго думала, перед тем как прийти сюда. Пришла вот, хотя мне звонили по телефону и вежливо так отговаривали. Но решилась. Хотя и знаю, что правды в нашем государстве все равно не добьешься. Пришла – и наслушалась...

Свидетельница потерянно посмотрела на Сергея и Машу.

– Простите меня, я так хотела помочь, – сказала она и заплакала. – Но пока сидела тут и слушала... Теперь вот думаю: ведь у меня тоже дети. Две девочки, одна в седьмом, другая в четвертом классе. Что с ними будет?

– Свидетельница, не отвлекайтесь! – повысил голос судья. – У всех есть дети. Вы лучше скажите, что в протоколе писать. Видели вы или нет...

– Ничего я не видела, – ответила свидетельница. – А в своем протоколе напишите, что я трусливая сволочь.

Женщина заплакала уже в голос и поспешила к выходу.

– Приступим к прениям сторон, – объявил судья. – Слово предоставляется стороне обвинения.

Прокурор поднялся и снова взглянул на часы. Судя по всему, мужчина куда-то спешил, и потому речь его оказалась очень короткой. Маша подумала, не ослышалась ли она. Потому что прокурор заявил буквально следующее: судебные прения подтвердили, что подсудимый не имел возможности избежать наезда, который произошел вследствие обстоятельств непреодолимой силы, в связи с чем сторона обвинения снимает иск.

Потом выступил адвокат защиты, который почти слово в слово повторил «речь» прокурора.

– Прения закончены! – провозгласил судья. – Сейчас суд...

– Позвольте мне дополнить? – произнес Сергей, поднимаясь. – Меня не устраивает позиция прокурора.

Судья взглянул на прокурора, а тот продолжал разглядывать пространство за окном.

– Хорошо, – кивнул Солодкин, – можете добавить, но только коротко.

Маша посмотрела на мужа, надеясь, что он объяснит ей, что происходит. Но Сергей поднялся и повернулся лицом к залу.

– Я не знаю, какие обстоятельства непреодолимой силы имеет в виду уважаемый прокурор. Подсудимый, управляя источником повышенной опасности, не смог избежать наезда на ребенка из-за внезапного землетрясения, цунами, смерча? Или прокурор намекает на то, что ребенок сам бросился под колеса автомобиля, желая свести счеты с жизнью? Причем обвиняемый, видя, что совершил наезд, не остановился, чтобы оказать помощь и вызвать врачей, а скрылся. Тем же днем он отказался пройти обследование на предмет содержания в его крови алкоголя, наркотических или психотропных веществ. Стороной защиты были представлены свидетели, которые не просто путались в своих показаниях, но и пытались обмануть участников судебного заседания. Зачем? Невинному не надо врать, чтобы доказать свою правоту. Единственная свидетельница обвинения, которая не испугалась телефонных угроз, явилась сюда и рассказала все, как было на самом деле, а уважаемый прокурор, вместо того, чтобы выполнять свои непосредственные обязанности по защите конституционных прав граждан от преступных посягательств, не только не поддержал ее, но и демонстративно смотрел в окно, проверяя, не забрался ли кто в его новенький «Лексус»...

– Язык придержите! – вскинулся прокурор. – А то я быстро разберусь с вами.

– Вы мне угрожаете? – удивился Сергей. – Только что вы предложили освободить от наказания преступника, а теперь обещаете разобраться с пострадавшей стороной?

Лицо прокурора побагровело, на скулах заиграли желваки. Но все же он сдержал себя.

– Я не угрожал, а просто хотел сказать, что машина действительно новая. И я приобрел ее на законных основаниях. То есть моя мать приобрела...

– Скажите спасибо маме, – продолжил Сергей. – Но меня не интересует, кто покупает господину прокурору дорогие автомобили. Я хочу лишь одного – чтобы виновный понес заслуженное наказание. Законодательство у нас мягкое, но, надеюсь, состав суда проявит необходимую твердость в этом вопросе. С учетом личности обвиняемого, разумеется.

Сергей опустил на стул. А судья как будто ждал этого – тут же объявил перерыв.

Маша и Сергей сидели в коридоре и ждали, когда их позовут для вынесения приговора.

– Ты очень хорошо выступал, – сказала Маша мужу. – Мне кажется, всем стало все ясно.

– Все было ясно и до суда, – удрученно покачал головой Сергей. – Но боюсь, у этих людей хватит наглости назначить подонку условное наказание.

– И что потом?

– Мы подадим апелляцию. Городской суд, вполне вероятно, оставит приговор в силе, но есть ведь еще Верховный суд. И есть факты, которые не заметить просто нельзя: Славик погиб

не на улице, а во дворе, подонок отказался от медицинского освидетельствования... Да ты не хуже меня все знаешь.

Мимо прошел адвокат Артема Кущенко, разговаривавший по мобильному телефону. Он даже не пытался говорить тише и продолжал кому-то докладывать:

– Надоело уже, затянули бодягу. Еле досидели, но минут через пятнадцать этот цирк закончится, и мы с Артемом подъедем...

Маша обняла и поцеловала мужа, шепнув:

– Я тебя очень люблю.

Вскоре всех позвали обратно в зал.

Все оказалось хуже, чем думали супруги. Суд согласился с доводами прокурора и не нашел в действиях обвиняемого состава преступления, посчитав, что несовершеннолетний Стихареv погиб по собственной неосторожности, упав под машину.

Находившиеся в зале люди встретили оправдательный приговор аплодисментами. Громче всех била в ладоши Тамара Григорьевна, бывшая классная руководительница Кущенко. Она даже крикнула неестественно бодрым голосом:

– Я всегда верила в тебя, Артем!

Впрочем, потерпевшей стороне дали десять дней на подачу апелляции.

Маша с мужем вышли на улицу, хотели пройти к своей машине, но их оттолкнули в сторону, потому что от крыльца до припаркованного напротив здания суда «Мазерати» был выстроен коридор из молодых людей – парней и девиц, держащих в руках букеты цветов. Возле машины стоял плотный человек в расстегнутом пальто. Лицо мужчины покраснело, и он широко развел руки в стороны, как футбольный вратарь перед пробитием пенальти.

– Это Кущенко-старший, – сказал Сергей Маше.

– Я поняла. Такая же наглая рожа, как и у сына.

Двери суда распахнулись, и на пороге показался Артем в распахнутой кожаной куртке. Толпа завопила и завизжала. Девушки бросились обнимать своего кумира. Но Артем отпихнул их всех, потому что заметил стоящих в трех шагах Сергея с Машей. И шагнул к ним.

– Ну что, уроды, получили? Я давил вас, давлv и давить буду!

Артем заржал и не успел увернуться – Маша влепила ему пощечину. Артем хотел ударить ее ногой, но не достал: Сергей схватил его за отвороты куртки и отбросил в сторону. И сразу толпа кинулась на Стихареvх. На Сергея посыпались слабые удары – напавшие кучей мешали друг другу. И тут все перекрыл громкий крик Кущенко-старшего:

– Стоять! Вы что, не видите? Им только того и надо. Эти гады нас провоцируют. Потом с ними разберемся.

Толпа отхлынула. Кущенко подошел и обнял сына. Расцеловал его и что-то шепнул. Сказал тихо, но Маша услышала его слова:

– Отдыхай, я закрою вопрос. Теперь это мое дело.

В палату раненого адвоката Стихареvх не пустили, но им удалось поговорить с лечащим врачом. Тот сообщил, что состояние раненого тяжелое, однако опасности для жизни нет.

– Месяц-полтора пробудет у нас, а потом его выпишем, – сказал эскулап.

– Если что-то потребуется, мы всегда готовы помочь, – предложил Сергей.

– Вы мне что, материальное вознаграждение предлагаете? – не понял врач. – Спасибо, но я привык на законно заработанное существовать.

– Мы тоже, – успокоила его Маша.

Из больницы супруги отправились за город, к родителям Маши. Рассказали им о суде – без подробностей, разумеется. Уверили, что дело еще не закончилось. Тихо поужинали все вместе – говорить много не хотелось никому. Мама предложила дочери и зятю остаться переночевать, но Сергей отказался, сказав, что его с утра ждут в офисе. В последнее время он запу-

стил работу, а Тимур один не справлялся. Новиков был хорошим исполнителем, а вот руководитель из него никакой.

Они неслись к городу по новой трассе. Маша рассеянно смотрела за окно на мелькающие заснеженные сосны, на темнеющее небо, на котором сквозь редкие облачка проглядывали холодные зимние звезды. Желания любоваться зимним пейзажем не было, потому что в голову лезла одна и та же бесконечная в своей обреченности мысль – Славик уже не увидит этой земной красоты.

Стихаревы подъехали к дому. Сергей начал парковаться, но вдруг сказал:

– Пожалуй, поставлю машину в гараж. Мало ли что... Ты поднимайся, я приду через минут двадцать.

В гаражном кооперативе, что располагался неподалеку, у них был просторный, сложенный из кирпича бокс. Сергей приобрел его по случаю и почти не пользовался им. Машина стояла в гараже лишь тогда, когда супругам доводилось уезжать куда-то вдвоем. Но это случилось редко. Так что в гараже хранились лишь комплект сменной резины да канистра бензина на всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.